

Две тактики борьбы с «буржуазной историографией»: С.А. Пионтковский и Н.Л. Рубинштейн

Илья Слепенко

**Two tactics to combat «bourgeois historiography»:
S.A. Piontkovsky and N.L. Rubinshtein**

Ilya Slepenco

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X25020252, EDN: EDRELW

С первых лет становления советской исторической науки историки-марксисты вели борьбу с «буржуазной историографией». При этом их позиция обычно представляется исследователям достаточно однородной, особенно в идеологическом и теоретико-методологическом смысле. В частности, нередко сближаются произведения С.А. Пионтковского и Н.Л. Рубинштейна¹. Ю.В. Кривошеев и А.Ю. Дворниченко утверждали, что Рубинштейн в своей брошюре «Классовая борьба на историческом фронте»² занимался только «популяризацией идей» Пионтковского³. Между тем в работах Пионтковского и Рубинштейна имелись расхождения в способах выражения авторской позиции, что отразилось как на структуре их текстов, так и на выборе каждым из них полемических приёмов. Весьма показательно это проявилось на рубеже 1920–1930-х гг., когда пресса активно писала о процессе «Промпартии» и «Академическом деле» и начались аресты по «Делу краеведов». 10 октября 1930 г. на объединённом заседании секции истории промышленного капитализма Института истории Коммунистической академии и Общества историков-марксистов Пионтковский выступил с докладом «Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия»⁴, вскоре опубликованным в переработанном виде в журнале «Историк-марксист»⁵. Почти в те же дни появилась и брошюра Рубинштейна, которая, согласно предисловию (помеченному датой 19 января 1931 г.), «представляет собой переработанный доклад, прочитанный на областной конференции преподавателей истории классовой борьбы и исто-

© 2025 г. И.А. Слепенко

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. С. 164.

² Рубинштейн Н.Л. Классовая борьба на историческом фронте. Иваново-Вознесенск, 1931.

³ Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 157, примеч. 53.

⁴ Архив РАН (далее – АРАН), ф. 359, оп. 2, д. 34, л. 2–28.

⁵ Пионтковский [С.А.] Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. № 18–19. С. 157–170. Точная дата выхода этого номера неизвестна, однако в № 20 (последнем за 1930 г.) был помещён исправленный вариант доклада Е.М. Ярославского, прочитанного 26 ноября 1930 г. (Ярославский Е. Опыт политической массовой стачки и вооружённого восстания Первой русской революции в свете учения Маркса–Ленина // Историк-марксист. 1930. № 20. С. 3–64). Вероятно, к этому времени статью Пионтковского как минимум сдали в набор. Правка, внесённая в текст доклада перед публикацией, была невелика и в основном носила стилистический характер, включала исправление особенностей устной речи и т.п., но встречаются и смысловые разночтения.

рии партии», состоявшейся в Иваново-Вознесенске⁶. Видимо, именно это мероприятие освещалось в местной газете⁷.

Следует учесть, что к концу 1930 г. Пионтковский и Рубинштейн занимали в советской исторической науке разное положение. Сергей Андреевич Пионтковский (1891–1937), сын профессора Императорского Казанского университета, окончивший в 1914 г. в Казани историко-филологический факультет, являлся одним из первых профессиональных историков-марксистов. Будучи членом РКП(б) с 1919 г., он входил в состав Истпарта, вёл активную преподавательскую работу как профессор 1-го МГУ и ряда других вузов столицы, а незадолго до ликвидации РАНИОН стал её учёным секретарём. В 1930 г. Пионтковского избрали членом-корреспондентом Коммунистической академии⁸. Николай Леонидович (Лазаревич) Рубинштейн (1897–1963), сын юриста, получил диплом Одесского института народного образования в 1922 г.⁹ Несколькими статьями молодой историк обратил на себя внимание, и в 1927 г. его приняли в Общество историков-марксистов при Коммунистической академии. Благодаря этому ему удалось посетить Первую Всесоюзную конференцию историков-марксистов, проходившую в столице зимой 1928/29 г. Взлёт научной карьеры Николая Леонидовича начался после переезда в Москву в 1931 г.¹⁰

Пионтковский принял самое деятельное участие в идеологической кампании, развернувшейся в 1930–1931 гг. Основной удар его критики пришёлся по историкам, причастным к «Промпартии» и «Академическому делу». В докладе и статье 1930 г. Пионтковский обрушился на работы С.Ф. Платонова, Ю.В. Готье и А.А. Кизеветтера о событиях Смутного времени, а также на труды П.Г. Любомирова и Л.Н. Юровского по экономической истории, затронув и другие сюжеты.

Среди обвинений, выдвинутых против «прорабатываемых» исследователей, — идеологическое разложение советской науки, «враждебная оценка диктатуры пролетариата», «апология отношений собственности», «законченная политическая программа, доказывающая, что реставрация неизбежна». В их публикациях Пионтковский обнаружил «развёрнутую национал-шовинистическую программу

⁶ Рубинштейн Н.Л. Классовая борьба... С. 5.

⁷ Зеленский М. Беспощадно разоблачать антимарксистские взгляды в истории. Итоги конференции историков-марксистов Ивановской области // Рабочий край. 1930. 2 декабря. С. 2.

⁸ Литвин А.Л. Без права на мысль: историки в эпоху Большого террора. Очерки судьбы. Казань, 1994; Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки...; Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / Отв. ред. А.Л. Литвин. Казань, 2009; Дубровин В.Ю. Эволюция идейно-политических взглядов С.А. Пионтковского. Казань, 2015.

⁹ С 1916 г. он учился в Императорском Новороссийском университете, после продолжительных перерывов в занятиях закрытым в 1920 г.

¹⁰ Дмитриев С.С. Памяти Н.Л. Рубинштейна // Учёные записки Горьковского государственного университета. Вып. 72. 1964. Т. I. С. 415–478; Памутали А.Н. Рубинштейн Николай Леонидович // Историки России: биографии. М., 2001. С. 697–704; Мандрик М.В. Николай Леонидович Рубинштейн: очерк жизни и творчества // Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб., 2008. С. VII–СXXXIV; Тихонов В.В. Н.Л. Рубинштейн — преподаватель Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2011. № 3. С. 69–73; Левченко В.В. Незвестные страницы одесского периода жизни историка Николая Леонидовича Рубинштейна (1897–1963) // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Вып. 15. Брянск, 2013. С. 128–145; Шмидт С.О. Судьба историка Н.Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998 г. М., 1999. С. 204–228.

великорусской буржуазии» и т.д.¹¹ Обращаясь к историкам-марксистам, он напоминал, что «идёт борьба за уничтожение буржуазии и кулака как класса», в которой «мы имеем дело с представителями умершего класса, и наша задача заключается в том, чтобы помочь им поскорее умереть, умереть без следа и остатка»¹².

Однако если в докладе говорилось лишь о том, что «в стенах Археографической комиссии все эти историки, как Платонов, Рождественский, Любавский... *устроили себе платформы* (здесь и далее курсив мой. — И.С.), где они устраивали целый ряд политических выступлений и демонстраций»¹³, то в статье утверждалось, будто «в стенах Археографической комиссии историки типа Платонова, Рождественского, Любавского... *создали себе организацию*, где они проводили целый ряд политических выступлений и демонстраций»¹⁴. А чтобы ни у кого не осталось сомнений в организованном противодействии политике большевиков, упоминалось, что в письме о кончине гр. С.Д. Шереметева приводились слова покойного, выражавшие надежду на возрождение России. В данной фразе историк-марксист усмотрел оценку графом советской внутренней и внешней политики, констатируя: «Опять, как вы видите, определённая политическая программа имеется здесь»¹⁵. В статье выпад прозвучал ещё резче: «В этих словах имеется определённая политическая программа, *которую разделяет с Шереметевым вся Археографическая комиссия*»¹⁶.

Если в докладе просто приводилось мнение И.А. Голубцова, для которого было «важно», что В.О. Ключевский «чужд монистического объяснения истории»¹⁷, то в статье уточнялось: «У Ключевского... *политически важно*, — говорит Голубцов, — то, что он чужд монистического объяснения истории»¹⁸. То, что в устном выступлении сокращалось («стоит вопрос об определённой форме власти, *и т.д.*»¹⁹), в журнале раскрывалось и конкретизировалось: «Стоит вопрос об определённой форме власти, *об уничтожении диктатуры пролетариата и возобновлении господства буржуазии*»²⁰. Приписывая своим оппонентам апологию прежнего режима, Пионтковский заявлял в докладе, что, рассуждая о Смутном времени, Готье «доказывает неизбежность реставрации»²¹, а в статье всячески подчёркивал «*политический* интерес этой литературы»²². Первоначально он допускал, будто Готье «и Болотникова густым дёгтем намажет, чтобы сразу *всё у них было унифицировано*»²³, однако затем обнаружил признаки осмысленной и целенаправленной манипуляции активного противника большевиков: «Всё же ясно, что Болотников, вождь крестьянской революции, дол-

¹¹ АРАН, ф. 359, оп. 2, д. 34, л. 6–26; Пионтковский [С.]А. Великорусская буржуазная историография... С. 159–169.

¹² АРАН, ф. 359, оп. 2, д. 34, л. 27–28; Пионтковский [С.]А. Великорусская буржуазная историография... С. 170.

¹³ АРАН, ф. 359, оп. 2, д. 34, л. 5.

¹⁴ Пионтковский [С.]А. Великорусская буржуазная историография... С. 158.

¹⁵ АРАН, ф. 359, оп. 2, д. 34, л. 6.

¹⁶ Пионтковский [С.]А. Великорусская буржуазная историография... С. 159.

¹⁷ АРАН, ф. 359, оп. 2, д. 34, л. 8.

¹⁸ Пионтковский [С.]А. Великорусская буржуазная историография... С. 160. См. также рассуждения Пионтковского о связи исторических исследований с современной политикой: Там же. С. 157.

¹⁹ АРАН, ф. 359, оп. 2, д. 34, л. 9.

²⁰ Пионтковский [С.]А. Великорусская буржуазная историография... С. 161.

²¹ АРАН, ф. 359, оп. 2, д. 34, л. 11.

²² Пионтковский [С.]А. Великорусская буржуазная историография... С. 162.

²³ АРАН, ф. 359, оп. 2, д. 34, л. 12.

жен быть исключён из этой характеристики, но Готье отлично учитывает, что при революционном подходе к истории можно сделать из фигуры Болотникова, и он густым дёгтем мажет его, чтобы сразу отуманить и обескуражить читателя»²⁴. Упоминание о том, что «все они начинают делать ставку на сильное крестьянство»²⁵, в статье дополнили компрометирующие биографические детали: «и Платонов, и Готье, и Кизеветтер — бывший царедворец и бывший к.-д., — делают ставку на сильное крестьянство»²⁶.

В статье также отмечены С.В. Бахрушин, Е.З. Вулих, Б.Д. Греков и С.В. Рождественский, о которых в докладе не говорилось. По словам Пионтковского, «эти апологеты собственности и крепостничества не умеют даже научно излагать и обосновывать собственные мысли»²⁷. Между тем трое из них уже проходили по «Академическому делу» и были добавлены явно для расширения числа «прорабатываемых»²⁸.

Схожие приёмы применялись в статье при критике Юровского, про которого добавлен пассаж, будто он, «отрицая классовую борьбу внутри буржуазного хозяйства», выступал в 1923 г. «от имени сильного крестьянина — кулака»²⁹. По словам Пионтковского, Любомиров «интересы торговой буржуазии, кулака и нэпмана выразил точно и определённо», ведь в его книге отразились «стремления» тех, кто понимал нэп «как реставрацию промышленно-капиталистических отношений»³⁰. В одной из последних вставок Пионтковский с пафосом заключал: «Национал-шовинизм — это мечты и стремления к “великой и неделимой”, восстановление отношений собственности в экономике и восстановление “великой и неделимой” как политической формы господства собственников — вот программа, за которую борется русская буржуазная историография»³¹.

Таким образом, при переработке все критические формулировки доклада сохранены и даже усилены заявлениями об организованности, целенаправленности и согласованности действий «буржуазных историков», связанных с враждебными советской власти классами. Характерно, что большинство из упомянутых при этом учёных находились тогда под арестом.

Но была ли тактика «проработки», избранная Пионтковским, единственно возможной? Всегда ли в 1920–1930-х гг. «классовый подход... определял и классовую нетерпимость историка-марксиста к историку буржуазной школы»³²? Судить об этом позволяет брошюра Рубинштейна, в которой критика современной автору историографии заняла около трети объёма (18 из 52 страниц) и шла непосредственно за ритуальными клятвами в верности диалектическому материализму, К. Марксу и В.И. Ленину. Боевая риторика и повторение слов М.Н. Покровского о том, что «история — это публицистика, политика, обращённая в прошлое, что грани между историей и политикой нет»³³, сближали

²⁴ Пионтковский [С./А. Великорусская буржуазная историография... С. 163.

²⁵ АРАН, ф. 359, оп. 2, д. 34, л. 12.

²⁶ Пионтковский [С./А. Великорусская буржуазная историография... С. 163.

²⁷ Там же. С. 166.

²⁸ Грекова выпустили 13 октября 1930 г. (т.е. после доклада, но до публикации статьи Пионтковского), Бахрушин и Рождественский в ноябре находились под стражей.

²⁹ Пионтковский [С./А. Великорусская буржуазная историография... С. 167–168.

³⁰ Там же. С. 168.

³¹ Там же. С. 169.

³² Дубровин В.Ю. Эволюция идейно-политических взглядов... С. 13.

³³ Рубинштейн Н.Л. Классовая борьба... С. 9.

произведения Рубинштейна и Пионтковского, однако при внимательном чтении между ними видна и разница.

Рубинштейн прежде всего напоминал, что «совсем недавно... революционные историки-марксисты во главе с М.Н. Покровским открыли жестокий огонь по выступлению профессора Тарле»³⁴. Но после этого он лишь изложил выдвинутые другими обвинения, добавив от себя: «Тарле — историк, реабилитирующий Пуанкаре времён мировой войны, и Тарле — политик, участник контрреволюционного заговора, кандидат Пуанкаре в министры контрреволюционного фашистского правительства — это одна и та же фигура»³⁵.

Для «иллюстрации классовой борьбы на историческом фронте» Рубинштейн рассматривал работы Платонова и Бахрушина, арестованных по «Академическому делу», а также А.И. Маркевича. Наибольшему обличению подверглась вышедшая в 1923 г. книга Платонова о Смутном времени. Довольно оригинально звучала критика историка за «защиту православия» и апологию «учреждений XVII века — Земского собора», но некоторые претензии переносились, порою почти дословно, из рассмотренной выше работы Пионтковского³⁶. В выводах Платонова проступали черты «контрреволюционной политической программы»³⁷. Замечания же, адресованные Арсению Ивановичу (с соответствующим указанием в сноске) и Сергею Владимировичу (без ссылок), заимствованы из другой статьи Пионтковского³⁸. Кроме того, проявления «местного национализма» в работах М.С. Грушевского, М.И. Яворского и И.Ю. Гермайзе описывались в брошюре на основании статьи Т.М. Скубицкого о классовой борьбе в украинской историографии, напечатанной в том же номере журнала, где Пионтковский разоблачал «великодержавные тенденции» Бахрушина и Маркевича³⁹.

«Беспощадную борьбу с буржуазными концепциями» Рубинштейн продолжал, указывая на ошибки И.А. Теодоровича. В 1930 г. в советской печати активно велась его «проработка» за юбилейный доклад и публикации о «Народной воле». Теодорович имел неосторожность признать народовольцев «субъективными» социалистами, не сомневающимися в «революционной сущности» крестьянства. В результате его обвинили в «правом оппортунизме» и «неонародничестве», а затем и вовсе инкриминировали «укрывательство кондратьевщины» в Народном комиссариате земледелия РСФСР⁴⁰. Рубинштейн повторил основные замечания, прозвучавшие в ходе этой кампании, и высказал недоумение: как это «коммунист Теодорович, историк Теодорович», занимая видное положение в партии, «ухитрился проглядеть, просмотреть» заблуждения Н.Д. Кон-

³⁴ Там же. См.: Покровский М.Н. «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 11–17.

³⁵ Рубинштейн Н.Л. Классовая борьба... С. 13.

³⁶ Там же. С. 14–15. Ср.: Пионтковский [С./А.]. Великодержавная буржуазная историография... С. 163–164.

³⁷ Рубинштейн Н.Л. Классовая борьба... С. 15.

³⁸ Там же. С. 16–17. Ср.: Пионтковский С. Великодержавные тенденции в историографии России // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 21–26.

³⁹ Ср.: Рубинштейн Н.Л. Классовая борьба... С. 17–19; Скубицкий Т. Классовая борьба в украинской исторической литературе // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 27–40.

⁴⁰ Подробнее см.: Шемякина О.В. И.А. Теодорович и политические контексты изучения народничества в 1920–1930-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 12. М., 2014. С. 357–371.

дятьева и А.В. Чаянова⁴¹. В целом же, Николай Леонидович оптимистично отмечал, что «наша историческая наука... крепнет в боях с Тарле, Платоновым, Яворским, Гермайзе, в боях с *оппортунистическими взглядами* Теодоровича»⁴². Столь мягкий тон, видимо, объяснялся тем, что 22 ноября 1930 г. «Правда» напечатала открытое письмо Теодоровича, признавшего свою вину. Также Рубинштейн кратко резюмировал содержание дискуссии, в ходе которой «были вскрыты попытки [С.М.] Дубровского изобрести особую историческую формацию», разоблачён его «уклон от Ленина в сторону Петрушевского» и выявлена «неверная интерпретация взглядов Маркса и Энгельса»⁴³. Сочинение, вызвавшее полемику⁴⁴, не называлось.

Как видим, Рубинштейн занимался преимущественно компиляцией критических замечаний и вольным пересказом обвинений, выдвинутых другими авторами. Говоря о классовой борьбе в историографии, в остальных частях брошюры он ограничивался общими фразами и описанием достоинств «единственно правильной схемы русского исторического процесса»⁴⁵ с многочисленными цитатами из сочинений Ленина и Энгельса. Когда же следовало «разбивать» «буржуазные» концепции, он вспоминал скорее про «Устряловых, Бауэров, Данилиных и Рамзиных», Г.В. Плеханова и Ю.О. Мартова⁴⁶ и т.д., стараясь лишь один раз не затрагивать историков. Не забывал он и о «самокритике по линии пересмотра научного материала под углом зрения ленинской схемы исторического процесса»⁴⁷. Впрочем, возвращаясь в заключительной части брошюры к «увязке истории с современностью» и призывая энергично бороться с оппортунизмом и «буржуазными выступлениями», отстаивая партийность в науке⁴⁸, Рубинштейн вновь дистанцировался от арестованного Платонова, заявляя, что «всё наследство Маркса, Энгельса, Ленина... показывает лживость рассуждений контрреволюционного академика»⁴⁹. В секциях ярославского, рыбинского, переяславского краеведческих обществ отмечалось образование «прямых очагов контрреволюции», где будто бы велась «пропаганда религии», марксизм объявлялся «идеологией еврейства», а прочие занятия сводились к неактуальным исследованиям⁵⁰.

«Новых», ещё не разоблачённых имён Рубинштейн не называл, все они к тому времени уже активно критиковались в советской печати. Вопреки мнению Ю.В. Кривошеева и А.Ю. Дворниченко, брошюра Рубинштейна не сводилась к популяризации идей Пионтковского: круг упомянутых ими историков и набор цитируемых трудов отличался. Причём именно после выпада Пионтковского началась «проработка» Любомирова. Если Пионтковский не обращался к наследию классиков марксизма-ленинизма напрямую, то Рубинштейн, напротив, обильно цитировал Ленина, Маркса, Энгельса и И.В. Сталина, включая самые свежие на тот момент выступления последнего на XVI съезде

⁴¹ Рубинштейн Н.Л. Классовая борьба... С. 24.

⁴² Там же. С. 25.

⁴³ Там же. С. 26.

⁴⁴ Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского способа производства», феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929.

⁴⁵ Рубинштейн Н.Л. Классовая борьба... С. 27.

⁴⁶ Там же. С. 41–42.

⁴⁷ Там же. С. 46.

⁴⁸ Там же. С. 53–55.

⁴⁹ Там же. С. 54.

⁵⁰ Там же. С. 56.

ВКП(б) и конференции аграрников-марксистов. Всё это в совокупности с компилятивной критикой буржуазных историков создавало невыразительный, но идеологически максимально выверенный текст реферативного характера.

Современные исследователи по-разному оценивают позицию Пионтковского. По мнению А.Л. Литвина, он «был сложным и противоречивым человеком», а его деятельность пришлась на «время страха перед жестокой государственной машиной, подавляющей любое инакомыслие... Но им руководил не только страх. Он хотел сделать научную карьеру и считал, вероятно, что подобными работами доказывает свою не только лояльность, но и преданность властям»⁵¹. О.В. Будницкий увидел в дневнике Пионтковского «невольный автопортрет одного из “неистовых ревнителей”, не за страх, а за совесть служивших формировавшейся системе... а затем уничтоженный ею за ненужность»⁵². Характер переработки доклада для журнала «Историк-марксист», сводившейся исключительно к усилению обвинений «буржуазных историков», не оставляет сомнений в стремлении Пионтковского оставаться на передовой идеологического фронта. Рубинштейн же предпочитал прятать собственную позицию за «частоколом цитат», почти ничего не добавляя от себя помимо воинственных общих фраз. Нельзя не отметить сходство такого поведения с уклонением от участия в дискуссиях в период «позднего сталинизма»⁵³.

Рассмотренные тексты наводят на размышления об особенностях советской исторической науки рубежа 1920–1930-х гг. Сосуществование историков «старой школы» с историками-марксистами делало столкновения между ними неизбежными (хотя и не обязательно ожесточёнными). Но независимо от того или иного понимания научности, роль учёного во многом зависела от его индивидуальности. Во всяком случае, даже в сообществе историков-марксистов борьба с «буржуазной историографией» могла вестись по-разному.

⁵¹ Литвин А.Л. Введение // Дневник историка... С. 30–32.

⁵² Будницкий О. «Все историки наши жулики» // *Ab Imperio*. 2014. № 3. С. 450.

⁵³ Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб., 2016. С. 264–265.